

СЕКЦИЯ 7. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Б. В. Емельянов,

*профессор каф. истории философии УрГУ
(г. Екатеринбург)*

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОД ЗНАКОМ ТОЛЕРАНТНОСТИ

У русской философии, обладающей всеми достоинствами философии национальной, толерантность, понимаемая как сознание неправоты всякого догматизма, десакрализация любых доктрин, открытость для свободного критического исследования, не была чуждым явлением. В своих, специфически русских проявлениях, порой в гениальных философских проявлениях она присутствует в философии многих русских мыслителей. Отметим наиболее значительные ее выражения.

Славянофилы были первыми русскими философами, кто обратил общественное внимание на национальную культуру и мысль, на ее традиции и особенности. В свете толерантности представляют интерес две их идеи — соборности и живого цельного знания.

Учение о единогласии, соборности русского народа принадлежит А. С. Хомякову. Русский народ как никакой другой предрасположен жить общиной. Сельская община — типично русское явление, жизнь в ней осуществляется всем миром. Запад такой жизни не знает, он погряз в индивидуализме и разъединенности людей. Хомяков считает, что только община, основанная на совместном хозяйствовании, обеспечивает благоденствие всем своим членам. Община, выросшая на духовном единстве своих членов, представляет собор как идеальную форму общежития взаимолюбящих и духовно помогающих друг другу личностей. Сущность собора — «единство во множестве»¹⁶⁸.

Путь к этому единству доброволен. Сущностной силой этого единства является любовь. Хомяков считает, что «русской земле чужда идея правды, противоречащая чувству любви».

¹⁶⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1894. Т. 2. С. 312.

Если в западной философии любовь лишь чувство, хотя и высокое, то для русского духа любовь — явление метафизическое. Любовь представляет энергию сущего, ее сущность заключается в толерантном общении живых существ между собой и Богом. Любящие существа переносят на любимых часть своей жизни, жертвуют собой ради других и обретают в этом духовное блаженство. Любовь и соборность, таким образом, выступают основными толерантными по своей сущности составляющими исторического процесса, в котором реализуются соборные предначертания, дающие в итоге единство деятельности трансцендентного Бога и человека.

Представления славянофилов, и в частности А. С. Хомякова, толерантны еще в одном отношении. Они полагали, что представления о материи, существующей вне сознания, имеют западное происхождение, как и представления об идеях, существующих вне материи, вне жизни. Сама дилемма «материализм — идеализм» — тоже западного происхождения. Русскому духу свойственна всеохватность мысли, ему близко понятие сущего, которое осознается как материя, пронизанная идеей, и идея, начиненная материей. Сущее, таким образом, — это всеединство, заключающее в себе все: и материю, и человека, и сознание, и высший разум.

Западная философия, считает А. С. Хомяков, расчленяет сознание на его составляющие (чувства, волю, душу, рассудок, разум и т. п.), а русская философия, напротив, стремится к их единству, потому что сознание не механический конгломерат, а цельный организм. Руководящей силой сознания является разум — также цельное образование: он не только оперирует абстрактными понятиями, но может хотеть, чувствовать, любить. Воля — творческая активность разума, вера — животворящая восприимчивость сущего разума. Поэтому в цельный разум входят все формы общественного сознания: философия, наука, религия, искусство и т. д. Сопоставляя взаимодействие разума и веры, А. С. Хомяков заявляет: «Разум жив восприятием явлений в вере и, отрешаясь, самовоздействует на себя в рассудке, разум отражает жизнь познаваемого в жизни веры»¹⁶⁹. Таким образом, познание осуществляется в «сопоставлении знания непосредственного от веры со знанием отвлеченным от рассудка. Это непосредственное живое и

¹⁶⁹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 279.

безусловное знание, эта вера есть, так сказать, «зрячесть разума»¹⁷⁰. Живое знание представляет единство идеи и жизни, знание сущего. Оно «проникнуто всей действительностью (познаваемого); оно бьется всеми биениями жизни, принимая от нее все ее разнообразие, и само проникает ее своим смыслом; оно снабжает рассудок всеми данными для его самостоятельного действия и взаимно обогащается всем его богатством»¹⁷¹.

Эти и аналогичные им толерантные идеи славянофилов вошли в арсенал русской мысли и в дальнейшем были развиты. Особенно в философии всеединства В. С. Соловьева. Распровадившись с идеей «облагородить» материализм и придать ему статус непротиворечивой философской доктрины, В. С. Соловьев, тогда еще 20-летний юноша, решил разобраться с истоками и смыслом всех философских течений и доктрин. Ознакомившись с ними, он пришел к выводу об их односторонности. У него возникла идея философского синтеза этих течений, а именно: «С логическим совершенством западной формы стремиться соединить полноту содержания духовных созерцаний Востока. Осуществление этого универсального синтеза науки, философии и религии — первые и далеко еще не совершенные начала которого мы имеем в философии сверхсознательного, должны быть высшей целью и последним результатом умственного развития»¹⁷². По мнению Соловьева, развитие философского знания в старом его варианте метафизически закончилось, поскольку оно не смогло решить многих стоящих перед ним проблем, которые из-за односторонности подхода к ним не находили решения.

Идея всеединства В. С. Соловьева может быть рассмотрена через призму толерантности. Причем это можно осуществить как со стороны богословия, так и со стороны философии. Ее смысл состоит в том, чтобы показать тождество высших достижений западной философии и христианского Откровения православия. Делает он это через анализ основных понятий философии всеединства Софии и Логоса (Слова). Их связь в том, что София — это мир, вечно творимый Божественным Словом, — сыном Божиим. По Соловьеву, их диа-

¹⁷⁰ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 280.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 151.

лектика такова: «Во всяком организме мы имеем два единства: с одной стороны, единство действующего начала, сводящего множественность элементов к себе как единому, как определенный образ этого начала. Мы имеем единство производящее и единство произведенное или единство как начало (в себе) и единство в явлении. В божественном организме Христа действующее единящее начало, начало, выражающее собою единство, безусловно-сущего, от его содержания, сущности или идеи, то прямое выражение первого мы найдем в Логосе, а второй — в Софии, которая, таким образом, есть выраженная, осуществленная идея... София есть тело Божие, материал Божества, проникнутая началом божественного единства»¹⁷³. Бог, таким образом, у Соловьева и Логос, и действующий Бог, предполагающий вечное существование реальных элементов, воспринимающих божественное действие, а София — образ уже осуществленного единства, составляющая с Богом всеединство. Софиологическая метафизика Соловьева и есть современный вариант апологетики и своеобразный вариант толерантности.

К идее толерантности Соловьев приходит и с другой, философской стороны, рассуждая следующим образом. Человеческий разум стремится к познанию абсолютной истины, о чем свидетельствует вся история философии. Но в философии, утверждает Соловьев, представлена одна из сторон общего и высшего стремления нашего духа к абсолютному, которое определяется как истина по отношению к разуму, как высшее благо по отношению к воле и как совершенная красота по отношению к Чувству. Философия, как было указано выше, ограничена нашей личностью, нашей обособленностью, относительностью нашего существования. Для абсолютного таких границ нет, поскольку оно проникает собою все, составляя всеединый источник всякого бытия. В абсолютном не может быть границ еще и потому, что первым условием его познания должно быть отречение от нашей личной ограниченности и «внутреннее соединение с Истиной». Соловьев считает, что такое соединение не может ограничиваться одной лишь теоретической областью философии. Чтобы быть реальным и действенным, оно должно переместиться в «сверхприродную, в сверх-личную сферу» трансцендентного. А это

¹⁷³ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 108.

делает цель философии религиозной, поскольку в сфере чистого знания она содействует реальному соединению нашего духа с абсолютным. Таким образом, философия, не подчиняясь религии внешним образом, интимно совпадает с нею, поскольку цель ее — познание сущей всеединой Истины. Философия предполагает возможность только соединения, а его безусловная действительность составляет сущность христианства.

За богословским и философским обоснованием толерантности у Соловьева просматривается и социокультурное обоснование, истоком имеющее все ту же идею всеединства. Здесь В. Соловьев размышляет следующим образом. Бог раскрывается в своей абсолютной Истине, Красоте и Благости, полагает вне себя отличный от себя мир как свое другое. Цель этого мира в том, чтобы из другого стать через человека другим Божиим, т. е. соединиться с ним в любви, воплотить его в себе, стать его богочеловеческим царством. Исторический анализ развития человеческого общества приводит философа к мысли, что человеческое общество дифференцировано, люди в нем «атомы», отчуждены от своей сущности, в жизни господствует материальное начало. Не только природный мир, но и общество демонстрирует наличие идеального единства и реальной множественности. Задача состоит в интеграции всеединства человечества на духовной основе. В качестве идеала, который необходимо достичь, выступает Царство Божие, и как особое состояние человека, когда достигается единением с Богом, и как особая форма общественного устройства — Вселенская Церковь Царства Божия. Это царство достигается, таким образом, не только в душе человека, но и в процессе трансформации, развития общественного устройства.

Достижение этой цели в «пророческий» период «лично-общественной жизни» людей, когда строй их жизни будет «духовно-вселенским». Пути достижения этого Царства Соловьев видит в оправдании человечеством и овладении им категориями Истины, Добра и Красоты как универсальными, жизненными началами христианства, в воплощении этих начал в жизни.

Многие идеи толерантности В. С. Соловьева, особенно его софиология и гносеология цельного знания, были продолжены в философских построениях его последователей (С. Н. Булгакова, Е. Н. и С. Н. Трубецких, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина и др.) уже в XX веке.

В истории не только русской, но и мировой мысли навечно записано имя Л. Н. Толстого как учителя, практического реформатора и апологета евангельской заповеди «не противься злу». Все идейные течения ненасилия современности «вышли из Толстого». Толстой рано почувствовал космическую мощь ненасилия, его целесообразность, глубинные «метафизические» основания, коренящиеся в жизненном опыте человечества, который показывает, что злоба — аналог бессилия, что злой, мстящий человек больше вредит себе, чем другим. В своих уникальных сборниках «Мысли мудрых людей» (1903), «Круг чтения: мысли многих писателей об истине, жизни и поведении» (1904 — 1908), «На каждый день: учение о жизни, изложенное в изречениях» (1906 — 1910) он собрал десятки, сотни высказываний, многие из которых так или иначе обосновывают его философию ненасилия, позволяют ему утверждать: «Делать зло так же опасно, как дразнить дикого зверя. Большею частью в этом мире и в самой грубой форме зло возвращается на того, кто его сделал» <...> «Употребление насилия вызывает злобу людей, подвергает человека, употребляющего насилие для своей защиты, гораздо большим опасностям, чем не употребление насилия. Так что употребление насилия есть только несообразительность и нерасчетливость»¹⁷⁴.

И все же подлинные основания философии ненасилия Толстой находит в учении Христа, в котором ненасилие, по его определению, занимает центральное место: «Положение о непротивлении злу есть положение, связующее учение Христа в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изучение»¹⁷⁵. Именно в учении Христа, считает Толстой, дана формула подлинной любви к Богу.

Любовь и ненасилие связаны друг с другом диалектически, ибо противоположны друг другу. Если «делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие» — формула насилия, то формула любви — обратна ей: воздавать добром за зло, любить друг друга. Ненасилие как непротивление злу — это борьба со злом в себе и в другом человеке.

На практике ненасилие — это отказ быть судьей поступков других людей. «Речь идет не о том, чтобы вообще отказываться от оценки (суда) действий других людей, а о том, чтобы

¹⁷⁴ Цит. по: Принцип ненасилия. М., 1991. С. 70, 72.

¹⁷⁵ Там же. С. 73.

оценивать (не судить) людей как людей, чтобы не покушаться на их свободу, нравственное достоинство, — само их право определять свою жизнь. Тем самым человек относится к другим людям как к братьям»¹⁷⁶. Простая логика говорит: если все люди — братья, а «враги» — тоже люди, то «враги» — братья.

У Толстого закон любви — продуманный до конца и воплощенный в формулу ненасилия — является инструментом борьбы с государственным насилием, в чем бы оно ни проявлялось. В этой связи весьма знаменательны все 8 положений из его статьи «Мое жизнепонимание». По сути, это программа практического ненасилия:

Во 1-х, не признаем ни за какими людьми, ни собранием людей, права насилием или под угрозой насилия отбирать имущество одних людей и передавать его другим (подати).

Во 2-х, не признаем ни за собой, ни за другими людьми права насилием защищать исключительное право пользования какими бы то ни было предметами, а тем менее исключительное право пользования некоторыми частями земли, составляющей общее достояние всех людей.

В 3-х, не признаем ни за собой, ни за какими людьми права насильно привлекать к суду других людей и лишать их имущества, ссылая, заточать в тюрьмы, казнить.

В 4-х, не признаем ни за какими людьми, как бы они ни называли себя, монархами, конституционными или республиканскими правительствами, права собирать, вооружать и приучать людей к убийству, нападать на других людей и, объявив людям другой народности войну, разорять и убивать их.

В 5-х, не признаем ни за собой, ни за какими людьми права под видом церкви или каких-либо воспитательных, образовательных и мнимо просветительных учреждений, поддерживаемых средствами, собранными насилием, руководить совестью и просвещением других людей.

В 6-х, не признавая ни за какими людьми, называющими себя правительствами, права управлять другими людьми, мы точно так же не признаем и за неправительственными людьми права употреблять насилия для ниспровержения существующего и установления какого-либо иного, нового правительства.

¹⁷⁶ Гусейнов А. Вера, бог и ненасилие в учении Льва Толстого // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 53.

Не признаем этих прав ни за кем, потому что всякое насилие по существу противно признаваемому нами основному закону человеческой жизни — любви. При победе одного насилия над другим остается победившее насилие и точно так же, как и прежде, вызывает против себя новое насилие, и так без конца.

Не признавая таких прав ни за какими людьми, мы считаем и все деятельности, основанные на этих мнимых правах, вредными и неразумными. И потому не только не можем участвовать в таких деятельности или пользоваться ими, но всегда будем всеми силами бороться против них, стараясь уничтожить их в самом основании.

В 7-х, уничтожить же эти ложные и вредные деятельности в самом их основании мы считаем возможным только одним средством: проявлением нами в своей жизни того высшего закона любви, который мы признаем единственным и несомненно верным руководством человеческой жизни.

В 8-х, и потому все наши усилия, вся наша деятельность будет иметь только одну цель — проявление в нашей жизни, насколько это будет в наших силах, того закона любви, который вернее всяких других средств уничтожает зло теперешнего устройства жизни и все более и более приближает установление истинного братства людей, которого так жадно ждет в наше время настрадавшееся человечество¹⁷⁷.

Этот призыв к миру и ненасилию прозвучал в 1907 г. Многие из этих положений могут показаться анархичными, многие утопичными, но «в вечности» они имеют свою первоизданную ценность как призыв к вечному миру и ненасилию, в каких бы формах оно ни воплощалось.

В XX в. русская философия, несмотря на деструктивные коллизии социальной и политической жизни России, создала на Родине и за ее рубежами целый ряд глубоких философских обобщений, многие из которых имеют большой потенциал толерантности. Наиболее впечатляющим из них является евразийство.

Евразийцы, чья деятельность падает на 20-е годы, предложили свое решение проблемы «Восток — Запад», которая для русской философии была не новой, как один из моментов поиска и определения русской идеи. Она, начиная с П. Я. Ча-

¹⁷⁷ Наше жизнеспониманис. Екатеринбург, 1993. С. 4 — 5.

адаева, присутствует в трудах многих русских философов XIX и XX вв. Все они предлагали, каждый по-своему, понимать Россию как Евразию, т. е. особый исторический, геоприродный и социокультурный «средишний мир» (термин В. И. Ламанского), который призван «сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы»¹⁷⁸.

Евразийцы П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Г. В. Флоровский и многие другие, утверждая, что Россия снимает противоположения между Востоком и Западом, предложили своеобразное решение культурологических и геополитических проблем. Главная их идея («евразийская идея») в том, что существует уникальный естественно-исторический евразийский суперэтнос, призванный воплотить в своем бытии начала подлинной соборности. В силу исторической судьбы «объединенным племенем» в этом суперэтноте является русский народ, на который ложится бремя ответственности за все происходящее на континенте Евразия. Эта ответственность должна быть правильно понята: «Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими»¹⁷⁹. В процессе национального самосознания русский народ должен познать себя в органическом целом евразийского единства, не подчиняя никого и не подчиняясь никому.

Многие идеи евразийцев проникнуты духом толерантности, в том числе и представлением о культуре как симфонической личности, предложенным Л. П. Карсавиным. Оценивая это учение, Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская пишут: «В отличие от европейской традиции, в которой исходным базисным понятием является личность как индивид, обладающий неотъемлемыми правами-свойствами, в евразийстве за основу принимается симфоническая личность как живое органическое единство или такое единство множества, когда и единство, и множество отдельно друг от друга не существует. Это не означает, что евразийцы отрицают личность как индивид, но, с их точки зрения, он существует соотносительно симфоническому целому-семье, сословию, классу, народу. Каждое из этих образований является симфонической личностью»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Менделеев Д. И. Сочинения. М.; Л., 1954. Т. 21. С. 518.

¹⁷⁹ Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 17.

¹⁸⁰ Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? // Общественные науки и современность. 1992. №1. С. 107–108.

Из множества идей русской философии XIX — XX вв. евразийство в настоящее время наиболее востребовано в силу заложенной в нем концептуально объединительной тенденции, толерантной открытости к различным влияниям с сохранением своей самобытности.

Толерантность русской философии не исчерпывается перечисленными идеями. Воссоздать ее полную картину еще предстоит.

О. Б. Ионайтис,
доцент каф. истории философии УрГУ
(г. Екатеринбург)

ЧЕЛОВЕК НА СЛОМЕ ЭПОХ

В конце X в. начался новый период отечественной истории. Принятие христианства коренным образом изменило самосознание русского человека, поставило ряд совершенно новых проблем в понимании самого человека, его души, роли в разрешении спора между добром и злом. Поэтому неслучаен интерес к этой проблематике мыслителей Киевской Руси.

Обратившись к сочинениям XI — XIII вв., мы читаем, что как бы ни был прекрасен мир, созданный Богом, вершиной творения является человек, более того — сам процесс творения был совершен для него. Осознание этого делает человека счастливым, смелым, гордым и открывает неограниченные перспективы для деятельности и творчества.

В своем «Поучении» Владимир Мономах пишет о том, что все существующее Бог дает в управление человеку. При этом речь идет не об отдельном человеке, а обо всем человечестве, о человечестве во времени и в пространстве, в истории. Отсюда значимость проблемы истории, в которой участвуют совместно Бог, человек и мир. Поэтому так волновало русских книжников понимание души человека, ее устремлений, а с учетом исторических реалий — понимание человека в эпоху становления нового мировоззрения.

Авторы «Изборника Святослава 1073 года» представляют человека состоящим из тела, плоти, души и духа. Они употребляют понятие «тело» в противоположность «духу», а «плоть» рассматривают в оппозиции «душе». Для понимания истоков такого представления необходимо учитывать, что